

DP 84
M 76
A-373201

Виталий
МОЛЧАНОВ

ФРЕСКИ

Op 84
M 46

Op 84

84/2=411.2)6-5

Виталий Молчанов

+ Op 84.5

ФРЕСКИ

а-373201

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва
2015

кр

Читать стихи Виталия Молчанова бегло, походя, сколь-зя взглядом по строчкам – не получается, настолько насыщены они смысловым действием, самым желанием автора полнее донести мысль свою и чувства до читателя. Глаза цепляются за подробности многие, детали, частности изобразительные, тропы, задерживаются на них, вчитываясь заставляя, вдумываясь и понимать. И – принимать, а то и, бывает иногда, не принимать эти сложные, острые, а подчас и рискованные сравнения и ассоциации, «метафорические вбросы» в сознание читающих. Но в любом случае чтение это никак уж не скучное, повышенная энергетика молчановского стиха увлекает, «тащит» читательское внимание, как сильное речное течение. А немалое познавательное начало в этой книге даёт ей востребованную всегда новизну.

Метафорическая напористость, избыточность здесь преследует и собственно художественные, образные, изобразительные цели, и одновременно является стилиобразующей, отстраивающей в единое и смысловые, идейные, и сюжетные линии стихотворного повествования в целом. А это нечасто получается даже у весьма опытных версификаторов. Бессюжетность, кстати, не в чести у Виталия Молчанова, и потому он выстраивает иногда если не последовательность действий и судеб персонажей своих, помышлений лирического героя, то сюжет развития самой поэтической мысли, развёрнутой порою в целое стихотворение дерзкой метафоры.

Намётанный глаз найдёт, наверное, в этой книге некоторые издержки молчановского поэтического напора, эмоционального переизбытка – но это живой, искренний, а потому отнюдь не всегда безупречный творческий процесс, стихотворение в его непрекращающемся становлении и совершенствовании. Пожелаем же автору, новой книге его в наше «время нечитающих» быть прочитанной, – она, ей-Богу же, стоит того.

Пётр Краснов

ЗАМУЧЕННЫЙ ХРАМ

Нагой*

1.

Весна-дворняга солнечным оскалом
Зиме грозила: «Береги бока!»
Пригожий лик под ледяным забралом
Таить устала стольная река,
И лопнула морозная тесёмка.
Шлем по теченью сбросив за спиной,
Приподнялась Москва. С утра позёмка
Котлы проталин сдобрила крупой,
Над варевом холодным покружилась
И сникла у Варваринских ворот.
Сдаваться к воеводе шёл на милость
Стрелец помятый, выпятив живот
И вздёрнув к небу бородёнку злую.
Нещадно сабля била по бедру:
«Посеял берендейку, закукуют
Обратно в Тверь... Рассола бы нутру...»
Стряхнув с обувки ладной комья грязи,
Торговый люд растёкся по рядам.
Мостки скрипели: нёс корзины Власий,
Тюки – Емеля, осетров – Богдан.
Материя разложена по штукам,
Бери любую – не жадись, плати.
Моченья и соленья, связки лука,
Бочонки мёда, пирогов ломти...
Глаз маслится от снеди изобильной!
Весна-дворняга, изойдя слюной,
На жарких лапах кралась мимо мыльни
С окошками из плёнки слюдяной.

* Василий Блаженный

Дверь – нараспашку, ноздри дразнит запах
Замоченных в кадлушке пряных трав.
Случайный разговор о тайных знаках
Подобен пару – сути не вобрав,
Легко клубится, проникает в сени,
На улицу с берёзовым теплом.
Ярыга лечит веничком колени
И ведаёт собрату о былом:
– Как помню, прошлогоднего июля
Окрест стояли добрые деньки.
Паломники чрез мост перемахнули
И подались к иконе напрямки.
Всяк нёс с собой хворобину, болячку,
Моление за ближнего в нужде.
С ворот спустили Божью Матерь в качке
И вознесли в шалаш из трёх жердей.
Вокруг толпы природа благолепна:
Щебечут птахи, ясен Божий свет...
Как Феникс, восстающий вновь из пепла,
Нагой Василий вышел, тощ и сед.
В глазах его горел нездешний пламень.
Взмахнул рукой – так бьёт одним из крыл
Орёл врагов – с коротким свистом камень
Икону чудотворную сразил!
Трепали кощуна Богдан и Власий,
Емеля помогал – ударь да пни.
Старик хрипел: «Помилуй, Христе Спасе...
С ея ты краски слой отколупни!...»

Не люди, а мятущееся стадо
 Ярились – кто ж им вставит удила:
 – Нагого вусмерть измохрратить надо,
 Бить образа – бесовские дела!
 Стрельцы ватагой мчались на подмогу.
 Один с козлиной, вострой бородой
 Икону подхватил и краски кроху
 Поддел ногтём, открыв начальный слой.
 Взлетело вороньё со всей округи –
 Загнал их в небо заполошный крик:
 «Нечистая икона, братцы, други,
 Под матерью с младенцем – адский лик!
 Молились Сатане мы...» Трижды битый,
 Нагой был поднят сворой палачей:
 Чернее смоли впалые ланиты,
 Ручьями кровь текла с его плечей.
 Меж Верой и безверьем – мрак и пропасть.
 Не тайный знак, а истина жила
 В юродивом, невиданная кротость
 Из глаз его на грешных снизошла
 И осветила лаской Божьей лица.
 – Ярыга смолк и ковш поднёс к устам.
 Окликнула стрельца отроковица:
 «Нашлась пропажа, сей же час отдам!»

На ледоход весна глядела с кручи –
 Тяжёлый бег огромных белых плах.
 Потом с небес хвостом смахнула тучи,
 И вспыхнули кресты на куполах.

Иван Корейша

1.

По щеке немойтой неба второпях стекла звезда.
Думал месяц, щурясь слепо: «На Москве лиха езда!
Мимо звонких новых строек, вдоль глухих особняков
Тройки бег норовист, боек. Хлопья белые – с клыков
Псов, помчавшихся вдогонку. Не настичь – не сбавит ход».
На полу, стянув попонку, спит «студент холодных вод»^{*}.

Плешь обильная в расчёсах, помнят длани кандалы,
А спина – тяжёлый посох... Из подвальной злой дыры
Вынут, помещён в палату, при иконах и свечах
Грешный, святой, виноватый и безвинный не зачах.
Говорят, что нет пророков у России за душой.
Словно пёсья пена – ропот – смысл имеет небольшой.

Брёхом больше или меньше, иноземцев блажь да сны.
Слабоумен ли Корейша, предсказавший две войны?
Проплывали строем шали, шапки, шляпы, клобуки.
Толпы шли, опять мелькали лапти, туфли, сапоги.
На боку костлявом лёжа, бормоча себе под нос,
Врачевал и грызь, и рожу, желуницу и обнос.

В редкий час отдохновенья от людских хвороб и бед
Бил он молотом камня, сокрушал бутылки вслед.
Верил – поражает бесов, превращая мерзких в прах.
Руки сбитые – в порезах, пыль скрипуча на зубах.
«Нет без працы кололацы»^{**}, – коли умный, всё поймёшь.
А ему б под сень акаций, с бережка крутого – в Сож^{***}.

^{*} Так именовал себя юродивый Иван Корейша.

^{**} Искаж. польская пословица «Без труда нет калача».

^{***} Река на Смоленщине.

2.

После битвы и пожара вновь отстроилась Москва,
Но в Смоленске деловарам строить – лютая тоска.
Умыкнув большие тыщи, знай сидят по кабакам,
На родное пепелище из хором глядеть не срам.
Расхитителя-вельможу обличил тогда Иван:
«Орден твой под толстой рожей за десятки мёртвых дан!»

Не спустили супостаты – был блаженный, стал дурак.
На него лихие каты понавешали собак:
Дескать, бос, в исподнем ходит круглый год в жару и зной,
Выкликает, колобродит, явно, что с душой больной.
От великого ученья шибко разумом ослаб...
У больничных врат стечение сотен мужиков и баб.

Плач и крик: «Ослобоните! Али нет на вас креста?»
Губернатор строг: «Везите дальше в скорбные места».
Вот позор Москвы – Доллхауз – для помешанных юдоль:
Голод убивает жалость, оскорбленья множат боль.
Сорок с лишним лет Корейша здесь провёл и встретил
смерть –
Может стойко ад крошечный только русский претерпеть.

Кони резвы, жаром пышут, искры бьют из-под копыт,
Венценосец ближе, ближе... Тихо узник добрый спит,
И блазнится чудотворцу яшень голый на ветру,
Из трубы дымочка кольца улетают в синеву.
Милой Родины виденья пред глазами предстают,
А по стенам бесов тени неприкаянно снуют.

Ксения

Дождик наметал стежки – стариковские шажки
Пыль срезают, словно ножницы, с асфальта
И подбрасывают вверх... Мимо позабытых вех
Дед идёт, слезится глаз потухших смальта.

В кофту женскую одет, в паре сношенных штиблет
И на брюки нацепил зачем-то юбку.
То ли холодно ему, то ли бросил кто в суму
Подаяние – сыграл с убогим шутку.

В тучу сбились облака, солнце заслонив, пока
Резвый ветер не порвал бродяжек в клочья.
С интервалом в пять секунд ноги дряблые бредут.
Ты куда свои стопы направил, отче?

Блики – на боках машин. «Потребляйте, – город-джинн,
Распахнув объятя, заклинал коварно. –
Душу есть где расплескать, в долг бери – негоже ждать.
Прогоришь, ну, значит, брат, такая карма».

Мчалась в поисках бабла тротуарная толпа,
Закоулков городских дурное семя.
Дед ей шёл наперекор, сам с собой вёл разговор:
– Божий раб Андрей почил, теперь я Ксения.

Наваждением влеком, вспомнил: раньше, за столом
В петербургской блинной, слышал я легенду,
Что у Ксеньюшки Святой муж скончался молодой
И она мундир надела с позументом.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66